

С. А. Малышкин

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ А. И. МИХАЙЛОВСКИМ-ДАНИЛЕВСКИМ «ОПИСАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1812 ГОДУ»

27 июля 1839 г. первый экземпляр только что вышедшего «Описания» войны был представлен историком императору Николаю Павловичу, а второй — по уже сложившейся традиции в работе ученого — военному министру А. И. Чернышеву. С тех пор прошло почти 160 лет, но до сих пор не утихают споры о взглядах и оценках исследователя. По-прежнему практически нет ни одной работы, где бы не было ссылок на знаменитое «Описание». Если этот труд вызывает столь живые споры, значит он не потерял своей актуальности. Именно поэтому следует проследить, как он создавался и на каких источниках базировался.

«Описание Отечественной войны в 1812 году» явилось крупнейшей работой А. И. Михайловского-Данилевского. Его близкий знакомый А. Т. Ильин свидетельствовал, что «Описание» было самым любимым произведением ученого. Александр Иванович работал над ним два года: с февраля 1836 по начало 1838 г. Еще полтора года заняла цензура со стороны императора, исправление текста по замечаниям, а затем публикация¹. Но путь к работе был гораздо более долгим.

Еще во время войны у будущего историка зародилась мысль создать описание событий тех дней от присады М. И. Кутузова к армии в августе 1812 г., до остановки войск в Тарутинском лагере. В это время он начинал собирать документальные свидетельства о войне, которые постепенно накапливаются в его архиве. На протяжении многих лет после победы над Наполеоном, Александр Иванович публикует ряд воспоминаний и статей об Отечественной войне. Наконец, 24 февраля 1836 г. ему официально поручается составить историю 12-го года. В тот день на его имя последовал высочайший рескрипт. Николай I, благодаря Михайловского-Данилевского за создание «Описания похода во Францию в 1814 году», поручил написать историю минувшей войны. Император, в частности, подчеркивал: «Важным и любопытным дополнением к описанию походов 1813 и 1814 гг. составила бы история собственно Отечественной войны 1812 года. Я желаю, чтобы Вы занялись начертанием оной и вполне уверен, что Вы представите в ней

соотечественникам Вашим новый опыт отличных Ваших дарований и обширных сведений»².

Прошли буквально одна-две недели, и ученый энергично включился в работу. В первых числах марта 1836 г. он приступил к сбору материала. В следующем месяце работа резко активизировалась. Не проходило ни одного дня, чтобы Михайловский-Данилевский не направлял сразу несколько писем по самым различным адресам с просьбой прислать необходимые материалы. Это были и обращения в архивы, и к частным лицам с пожеланиями поделиться воспоминаниями о минувших сражениях, были и просьбы к чиновникам государственного уровня, таким, например, как министр иностранных и внутренних дел и т. д. В июле того же года он обращается практически ко всем губернаторам империи с просьбой о выявлении необходимых сведений из местных архивов. С полным основанием он мог заявить в предисловии к «Описанию», что им изучены впервые при исследовании событий «Двенадцатого года» все российские архивы. В августе он обращается в Публичную библиотеку и Главное управление цензуры относительно получения книг, по тем или иным причинам запрещенным в России, но в которых имеются необходимые для работы сведения.

СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность Михайловского-Данилевского шла по нескольким направлениям. Во-первых, это работа в ведомственных центральных архивах. Во-вторых, поиск в местных губернских и уездных архивах. В-третьих, организация выявления документов через Синод среди священников и в церковных архивохранилищах. В-четвертых, привлечение воспоминаний частных лиц. Подробно следует рассмотреть каждое из направлений.

Первые дела, относящиеся к истории войны, Александр Иванович получил из архива департамента Генерального штаба Военного министерства уже в апреле 1836 г. Спустя месяц ему на дом доставили новую партию документов архива. Возвращены они были лишь спустя год, когда ученый уже заканчивал работу — в октябре 1837 г. Большую помощь оказал военный министр А. И. Чернышев. Так, в мае 1836 г. он передал историку тетрадь из архива А. Я. Булгакова — московского почт-директора. В ней находились 11 копий рескриптов Александра I к М. И. Кутузову, подлинники которых Александр Иванович уже нашел в делах Генштаба. Но копия донесения Кутузова царю о свидании с А. Ж. Б. Лористоном в Тарутинском лагере, два рескрипта на имя М. Б. Барклая де Толли и один — Д. И. Лобанову-Ростовскому были ученому неизвестны.

Пользуясь покровительством императора, Михайловский-Данилевский обращается в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. По его просьбе всесильный генерал А. Х. Бенкендорф, сам участник минувшей войны, 14 августа 1836 года направил ученому два архивных дела об иностранцах, проживавших в 1812 г. в России. Тогда же

¹ О работе А. И. Михайловского-Данилевского над научными трудами писали Н. К. Шильдер, А. Г. Тартиковский, А. И. Сапожников и автор настоящего выступления.

² РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 3379. Л. 170.

историка допускают в архив Комитета Министров. Решение об этом принимал сам Николай I. Он же определил строжайшие условия, на которых должен был работать Александр Иванович. Во-первых, выдача документов проводилась только строго по теме, хронологически — лишь 1812 г. Во-вторых, о делах «особенной важности» следовало доносить «каждый раз предварительно его императорскому величеству и ожидать разрешения его величества». В-третьих, описи выдавать должен был архивариус или его помощник. Просмотр дел разрешался только в здании Комитета³.

В ходе работы над «Записками» 1813 г. и «Описанием похода во Францию» историк часто обращался в архив МИД. Изучение документов шло под строгим контролем и выписки приходилось представлять Чернышеву. Теперь Михайловского-Данилевского допускают к материалам без всяких преград.

О том, как работал ученый в архивах, дает представление «Подробная выписка из каталога секретного архива Военно-топографического депо о журналах военных действий, реляциях сражений и других бумагах, относящихся до Отечественной 1812-го года войны», составленная Александром Ивановичем. «Выписка» представляет из себя журнал, который разделен на 4 графы: 1. «Номера книг». 2. «Заглавие книг по каталогу». 3. «Содержание книг». 4. «Замечания». Под «книгами» историк подразумевал архивные дела. Каждая графа заполнена сведениями, написанными аккуратным почерком. Например: «32417. Бумаги, относящиеся к кампании 1812-го года. Рукопись. 1. Портфель (получены от генерал-майора Бутурлина). 2. Журнал военных действий корпуса генерал-лейтенанта Эссена 3-го со дня его выступления из г. Букареста до 20-го декабря 1812-го года (с 6-ю чертежами). Составлен находившимся при корпусе подполковником Фрейгангом 1-м. Весьма полезен для описания военных действий армии адмирала Чичагова». О деле № 29177 — «Рапорты о сражении при Бородине, от 24 и 26-го августа 1812 года и проч(ее). Рукописи, одна тетрадь», — ученый отметил: «Лучшие материалы для описания Бородинского сражения». Сюда входили донесения М. Б. Баркляя де Толли, П. П. Коновницына, Д. С. Дохтурова, Н. Н. Раевского и других, чьи рапорты используются в научных исследованиях вплоть до наших дней. В конце записей Михайловский-Данилевский подвел итог: «Замечательнейшие по содержанию и слогу номера суть 29178, 29180, 32415, 32417, 29177, 29179, 29200, 34327, 16645». Судя по ведомости, он изучил 22 дела, которые включали массу документов по истории войны⁴.

Несмотря на то, что документальные источники представляли собой самый разнообразный по содержанию материал и поступали к историку почти ежедневно, он успешно справлялся с этим все нарастающим валом. Сохранилась собственноручно составленная им ведомость, которая позволяет за-

глядеть в лабораторию ученого. Все попадавшие в его поле зрения документы он исследовал по нескольким, заранее обдуманым темам. Впоследствии, приблизительно на подобные темы он разделил текст «Описания» 12-го года. Это были: 1. Дела о распоряжениях до войны. 2. Действия 1-й и 2-й Западных армий от границы до Смоленска. 3. От Смоленска до Москвы. 4. От Москвы до Немана. 5. Боевые действия корпусов П. Х. Витгенштейна и Ф. Ф. Штейнгейля на Северо-Западе. 6. Боевые действия 3-й Западной и Дунайской армий, а также корпуса Ф. В. Остен-Сакена в Белоруссии и на Украине. 7. Французские войска. 8. Топографические и статистические данные о театре военных действий.

Таким образом, можно смело утверждать, что Михайловский-Данилевский в процессе работы изучил сотни дел многих центральных ведомственных архивов. Это, в первую очередь, архивохранилища департаментов Военного министерства. Главный архив МИДа в Петербурге, Министерства внутренних дел. Историка допустили к документам Комитета Министров и III Отделения. При сборе материалов ему были созданы наиболее благоприятные условия, в которых не работал ни один ученый по военной истории России. Дела в абсолютном большинстве выдавались на дом. Сам Александр Иванович работал только в архивах Петербурга. В местные архивы и отделения центральных архивов, расположенные в Москве, он направлял запросы.

В марте 1836 г. ученый обратился к калужскому губернатору с просьбой оказать содействие в изучении материалов по истории Отечественной войны на территории губернии. Наибольшего размаха работа приобрела летом того года. Так, в июле, согласно сохранившимся документам, историк направил запросы в 17 губерний страны. Первые ответы поступили уже в апреле. Основной поток материалов стал приходиться осенью 1836 г. Так, например, в октябре он получил материалы из 12 губерний России⁵. Одновременно он работал с документами, присланными из Синода и местных духовных архивов⁶.

В феврале—марте 1837 года происходит резкий спад в переписке ученого. Он все меньше и меньше пишет писем о поиске архивных материалов. По-видимому, с этого времени историк приступил к непосредственному написанию текста работы. И хотя в феврале 1838 г. первый вариант «Описания» был представлен императору, документы и воспоминания о войне по-прежнему приходят к нему в Петербург. В мае 1838 г. присылает копии

⁵ Мальшикин С. А. Из истории создания А. И. Михайловским-Данилевским «Описания Отечественной войны в 1812 году» // Материалы науч. конф. «Отечественная война 1812 года» // Источники. Памятники. Проблемы. 1993. Бородино, 1994. С. 37–44.

⁶ Мальшикин С. А. Калужский край в 1812 году: По материалам архива А. И. Михайловского-Данилевского // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Малоярославец, 1994. С. 57–97; Его же. Отечественная война 1812 года в воспоминаниях духовенства Смоленской губернии // Источники. Памятники. Малоярославец, 1997. С. 39–49.

³ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 3379. Л. 33.

⁴ Там же. Д. 3465. Ч. 2. Лл. 523–549.

документов из местных архивов минский губернатор. Летом — черниговский губернатор направляет необходимые сведения от здешнего епископа. Более того, материалы приходят и после выхода в свет «Описания». Так, в октябре 1839 г. из Вильны ученому посылают дополнительные документы о Литве. Ищут, и в ноябре посылают из Белорусского учебного округа работу преподавателя Борисовского училища Сухецкого «Описание сражения у Борисова».

Само издание работы вызвало у современников войны желание создать свои воспоминания⁷. В феврале 1840 г. Л. Ф. Ярошевицкий, участник мичуевских событий, писал А. И. Михайловскому-Данилевскому: «Дивные события 1812 года достойны такого повествователя». И вскоре присылает воспоминания о знаменитой «Битве народов». Тогда же другой свидетель В. В. Орлов-Денисов дарит ученому свою рукопись о сражении под Вороневым осенью 1812 года. Для современников «Описание Отечественной войны» имело огромное значение. Когда сын историка писал ему из далекой деревни под Тверью, что местные помещики и офицеры близ расположенного полка говорят о «священной памяти» 1812-ом годе, лишь по его работе, это было лишним свидетельством признательности русского общества Михайловскому-Данилевскому за проделанный труд. Приступив к работе над «Описанием Отечественной войны», Михайловский-Данилевский предпринял попытку собрать как можно шире документы в архивах Войска Донского и воспоминания самих казаков. С просьбой оказать содействие в выявлении материалов он обратился к наказному атаману М. Г. Власову. Непосредственную работу по выявлению, отбору на копирование документов и т. д. проводил адъютант атамана есаул Попов.

Для будущей работы Михайловского-Данилевского огромное количество присланных документов — 93 копии — имело большое значение. Несмотря на определенную тенденциозность, выявленные официальные источники давали в целом яркую картину действий казачества в 12-ом году. Следует отметить, что только в советское время большая часть документов впервые была опубликована. Присланные с Дона материалы Михайловский-Данилевский широко использовал в «Описании Отечественной войны». Более того, именно эти материалы целыми «кусками» вошли в текст «Описания», где речь шла о действиях казаков⁸.

Михайловский-Данилевский не рассматривал написанный текст работы как нечто законченное. Наоборот, по мере получения все новых и новых материалов, он расширял или детализировал историю войны. В 1845 г. в

⁷ Гартмановский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.

⁸ Мальчишин С. А. Донское казачество и изгнание Наполеона из России: становление историографической традиции // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000. С. 114–122.

ответ на присланные воспоминания А. И. Дружинина о гибели генерала Я. П. Кульнева и действиях отдельного корпуса П. Х. Витгенштейна, ученый писал: «Я не премину при новом издании моей Истории 1812 года воспользоваться присланными Вами подробностями, которые не были мне известны, ибо то время находился я в Главной армии при князе Кутузове».

Александр Иванович собрал значительный комплекс воспоминаний, дневников, журналов участников войны. К сожалению, использование некоторых из них затруднительно. Таковы воспоминания, озаглавленные: «Дело под Ляховым 1812»⁹. На тексте имеется помета Михайловского-Данилевского: «Получено от графа Орлова-Денисова. Марта 26. 1836». Но в действительности это описание боя с французами трех партизанских отрядов А. Н. Сеславина, А. С. Фигнера и Д. В. Давыдова, заимствованное из воспоминаний последнего. Многих деталей, которые встречаются в его «Дневнике партизанских действий» здесь нет. Хотя имеются факты, отсутствующие в его «Дневнике».

В редких случаях при работе над «Описанием» Александр Иванович встречал сопротивление отдельных сановников. 5 июня 1836 г. он обратился в Главное управление цензуры Министерства народного просвещения с просьбой предоставить ему ряд иностранных изданий о войне, запрещенных в России. Граф С. С. Уваров ответил решительным отказом. Даже от председателя Военно-цензурного комитета, кем являлся по должности Михайловский-Данилевский, он потребовал предварительного разрешения. Историк обязан был представить список необходимых книг в Главное управление, затем с положительной резолюцией документ направить в Комитет иностранной цензуры, после чего пришло распоряжение на книги. Лишь после этого можно было получить литературу. Тем не менее, Уварову показалось это слишком «либеральным» и он обратился с докладом к самому царю. 24 июня Министерство извещало ученого, что император согласен на выдачу книг. Вместе с тем, как подчеркивалось в отложении, «его императорское величество высочайше повелеть изволил: взять от вашего превосходительства подписку, что запрещенные сочинения никому от Вас не будут сообщаемы, почему и прошу почтеннейше Вас, милостивый государь, о доставлении мне такой подписки»¹⁰.

В отличие от Уварова, директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин предоставил Александру Ивановичу гораздо лучшие условия для работы. Историк был одним из немногих, кому выдавались книги на дом. Сама норма обращения директора библиотеки к нему подчеркивала готовность помочь. В июле 1836 г. Оленин писал: «По желанию вашего превосходительства, мне изъявленному сегодня, посещаю Вам доставить, милостивый государь, требуемую Вами книгу: «Kuryer Litewsku 1812 г.» Спустя месяц,

⁹ РГИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 3465. Ч. 3. Лл. 393–397.

¹⁰ Там же. Д. 3379. Л. 248 об.

по собственной инициативе, он приказал выявить в фондах литературу, относящуюся к войне. Был составлен список в 15 книг. Среди них «Критический разбор 29 бюллетеня 1812. М., 1813», принадлежавший перу декабриста М. Ф. Орлова, «Русские и Наполеон Бонапарте. 2 изд. М., 1813» и другие. Историк взял не все книги. Но запросил дополнительно журналы периода 1812—13 гг. Все необходимое ему было направлено. Закончив «Описание Отечественной войны», Михайловский-Данилевский обязан был по положению о библиотеке один экземпляр предоставить бесплатно в фонды. Он этого не сделал, не вернул и взятые книги. Вот почему в ноябре 1839 г. Оленин направил ему чрезвычайно сухое письмо с напоминанием о выполнении обязанностей. Вскоре и экземпляр «Описания» и книги были возвращены. Переписка же на этом двух деятелей культуры обрывается и ученый в процессе работы над другими «Описаниями» войн в Публичную библиотеку уже впредь не обращался.

К началу 1838 г. «Описание Отечественной войны в 1812 году» было завершено. 28 января историк поставил подпись на последней странице работы, а на следующий день труд был представлен Чернышеву для последующей передачи императору. В рапорте Александр Иванович писал: «Война 1812-го года была не войною обыкновенною, но нашествием Запада Европы на Россию...» Это побудило автора дать картину подготовки к войне и расширить рамки труда. Историк поставил себе цель показать войну как борьбу всех сословий и слоев народа. Поэтому «Описание» состоит из трех частей: дипломатической, военной и внутренней; но эти части получали направление и душу от одного источника, от одного верховного двигателя — императора Александра».

Прошло несколько дней. Сохранившиеся листы дневника Михайловского-Данилевского за 1838 г. передают чрезвычайно тяжелые недели ожидания. Историк ловит любое упоминание о работе: «7-го февраля. Сегодняшнюю ночь провел я ужасно; сердце билось, голова горела, мне все чудилось, что мною будут недовольны, что молчание государя на бале гр(афа) Воронцова есть тому непреложное доказательство. Я в такой грусти, что ни за что не могу приняться, решительно убит духом...»¹¹

Спустя несколько дней Чернышев отчасти рассеял мрачные мысли историка. Он подтвердил, что действительно император первоначально был недоволен дипломатической частью, но затем изменил свое мнение в лучшую сторону. Николай I также просил подробнее рассказать, как увеличилась численность армий накануне войны и издать приказ о переходе русских войск на правый берег Двины. В дневнике Михайловский-Данилевский отметил: «Я сказал графу, что этот приказ можно выпустить, и что в продолжении сочинения государь изволит встретить много предметов, кото-

рые, может быть, будут неприятны, и что в таком случае можно положить книгу в архив и напечатать ее по прошествии многих лет. На это граф возразил, что печатать надо теперь, ибо прошло уже 25 лет. То есть он сказал именно то, что мне хотелось». Эту мысль он пытался изложить еще в январском рапорте военному министру: «Единственным руководством моим была истина. По прошествии четверти века нельзя говорить намеками, обиняками, слегка».

В 20-х числах февраля 1838 г. Николай I прочитал первую часть и передал ее на просмотр Чернышеву. По слухам при дворе, Александр Иванович уже знал, что император доволен работой. Хотя, по словам министра государственных имуществ П. Д. Киселева, царь упрекал историка: «Данилевский часто хвалит Кутузова там, где надобно бы было его критиковать».

26 февраля 1838 г. на имя Михайловского-Данилевского был дан высочайший рескрипт. Император высоко оценил труд ученого и наградил его орденом «Белого Орла». Через несколько дней он принял автора во дворец и, поклонившись до земли, благодарил историка. Александру Ивановичу было поручено составить «Описание» всех войн России в царствование Александра I.

Полтора месяца ученый редактировал работу по замечаниям царя. Основная масса претензий относилась к дипломатической части. Фактически все главы, рассказывающие о внешней политике России, были Николаем I зачеркнуты, и лишь отдельные страницы остались для публикации. Император строго следил, чтобы критические замечания касались не царственных домов, а тем более коронованных особ, но переносились на всю страну. Например, рассказывая о русско-австро-французской войне 1805 г., Михайловский-Данилевский написал: «В течение сего кратковременного похода государь всячески склонял Пруссию к союзнному действию с обоими императорскими дворами, но прусский король, несмотря на личную дружбу к государю, не внял его настояниям, а предпочел оставаться нейтральным. Если бы в это время Берлинский двор объявил войну Наполеону, то все вероятия успеха были бы на стороне союзников, Пруссия не была бы в последствии доведена до того унижения, которому главною виною было ее бездействие в 1805 году, и тогда же поставлен бы был вероятно предел завоеваниям Наполеона». Царь изменил фразу: «прусский король» на слово «Пруссия» и зачеркнул несколько строк. В опубликованном «Описании» было сказано: «В течение сего кратковременного похода, государь всячески склонял Пруссию к союзнному действию с обоими императорскими дворами. Пруссия не вняла его увещаниям и предпочла остаться нейтральною»¹².

Необходимо в то же время отметить, что Николай I старательно подчеркивал негативные оценки в адрес Пруссии, но подобные факты, касающиеся Австрии, оставлял. В меньшей степени, чем внешняя политика, под-

¹¹ Император Николай I и Михайловский-Данилевский // Русская старина. 1900. № 6. С. 586.

¹² РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 3470. Ч. 1. Лл. 6-7.

верглась редактированию та часть работы, где рассказывалось о ходе военных действий. Но и здесь император внес исправления. Как рапортовал Михайловский-Данилевский военному министру 12 апреля 1838 г.: «Вообще уничтожено все, что могло бы подать повод к пересудам иностранцев, было бы слишком невыгодно для памяти некоторых генералов или слишком хвалебно для других». Для прекращения «пересудов» были опущены планы раздела Турции, проекты похода в Индию, меры о вооружении славян на Адриатическом побережье. Практически вся первая часть — 18 глав на 781 листе — перестала существовать. Но даже после исправлений книга не была опубликована. Историк обратился за разрешением к Чернышеву, а тот уже — прямо к Николаю I. Император согласился на издание, более того, указал выдать 21 тыс. руб. на печатание. Предварительно указал послать работу на просмотр И. Ф. Паскевичу.

Отправляя труд, ученый подчеркивал: «... в войне 1812 года, я описывал не одни действия войск, но усилия всего могучего и доброго русского народа не поддаться чужеземцам, беспримерную твердость императора Александра Павловича и благость божию, осенившую наше Отечество». Несколько месяцев Паскевич читал «Описание». В начале сентября 1838 г. он возвратил работу Чернышеву. Генерал, сам участник Отечественной войны, остался довольным. «Я был в восхищении, читая описание той эпохи, которая для всех нас останется незабвенною. Отдавая полную справедливость труду генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского, я думаю, что его сочинение будет действительно памятником императору Александру Павловичу»¹³. Вместе с тем, он отметил отдельные, на его взгляд, недостатки. Во-первых, следовало исключить переписку между П. И. Багратионом и М. Б. Барклаем де Толли в начале войны, наполненную взаимными обвинениями. Во-вторых, «... я бы желал, — писал Паскевич, — еще сильнее изобразить то, что расстройство французской армии произошло не от холода, даже не от голода, но от беспорывных поражений и, особенно, под Вязмою». В-третьих, нельзя обвинять только адмирала П. В. Чичагова в том, что французские войска сумели хотя бы частично вырваться из окружения на Березине. Одной из главных причин является опоздание на два дня из-за строительства моста через Днепр Главной армии, которую вел М. И. Кутузов.

В конце сентября письмо Паскевича было переслано Михайловскому-Данилевскому. К началу нового, 1839 года все замечания историком были учтены и 7 января переработанный вариант был представлен А. И. Чернышеву. Вместе с рукописью автор попросил «высочайшее имя» посвящения. Текст посвящения почти полностью совпадал с текстом рапорта историка Чернышеву от 29 января 1838 г.

Летом 1839 г. долгожданный труд вышел в свет. 27 июля Александр Иванович направил первый экземпляр царю, а второй — по сложившейся

традиции — военному министру. Оценка была очень высокой: Многие обращались к ученому с просьбой прислать дарственные экземпляры. На следующий год работа вышла вторым изданием, а еще через 3 года — третьим.

Высоко оценивая «Описание», император пожелал к торжествам по случаю 27-летия Бородинской битвы издать главы из работы о сражении отдельной книгой. Но здесь историка ожидала неудача. 25 июля император через военного министра А. И. Чернышева потребовал от Михайловского-Данилевского сведений, когда закончится издание «Описания», и как подчеркивал в письме сам Чернышев: «его величество изволит желать иметь в скорейшем времени для собственного употребления выписку из этого сочинения, относящуюся единственно к сражению 24 августа и потом генеральному сражению 26 августа при Бородине, со всеми теми подробностями, которые описаны в самом сочинении на счет действий сих двух дней». Чтобы историк знал, что работа не терпит отлагательства, министр сделал небольшую, но характерную приписку: «его превосходительство Александр Иванович, сделает приятное государю императору, если поспешит доставлением к нему, графу Чернышеву, просимой выписки».

В эти июльские дни завершались грандиозные подготовительные работы к торжествам на Бородинском поле, посвященным 25-летию взятия Парижа и завершению войны с наполеоновской Францией. Одним из мероприятий должно было явиться приглашение участников войны 1812 г. и иностранных гостей на большие маневры в Бородино. Для приглашенных Николай I задумал издать описание Бородинской битвы в виде отдельной книжки, тем более, что классический, с его точки зрения, труд должен выйти буквально на днях. Михайловский-Данилевский в тот же день составил описание боя за Шевардинский редут. Ученый, выполняя волю военного министра, так торопился, что даже не имел времени оставить себе копию описания боя. На следующий день Чернышев писал Александру Ивановичу, что император весьма остался доволен работой, но «ожидает... подробного извлечения о Бородинской битве». К тому же, он предложил перевести описание на французский язык, если, конечно, хватит времени. В другом письме — к генералу П. А. Клейнмихелю Чернышев определил и количество тиража: 600 экземпляров на русском и 200 на французском языках. Михайловский-Данилевский немедленно отвечал: «Воля Вашего сиятельства для меня закон, и в исполнении повеленного невозможного быть не может. Через три дня описание на русском языке будет мною составлено; планы уже заказаны и будут напечатаны в числе 1 000, через неделю».

Для своей книги историк наметил несколько планов поля сражения: они, по его замыслу, должны отражать бой за Шевардинский редут, Бородинскую битву в начале, в три часа дня и в ее конце — всего 4 плана. Единственное, в чем была заминка, это — перевод на французский язык.

¹³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11984. Ч. 1. Л. 30.

Ученый просил назначить в переводчики графа Стакельберга, но «и ему надобно будет работать день и ночь». К сожалению, из этого ничего не получилось. 5 августа Михайловский-Данилевский получил от Чернышева свой «манускрипт» — так называл «Описание» военный министр — и немедленно запросил из Инспекторского департамента министерства переводчиков для работы. Но там уклончиво ответили, что чиновника, подходящего для выполнения во всем департаменте не найдено. Военная типография успела отпечатать лишь карты — 4 800 экземпляров. Полностью «Описание» сражения к маневрам на Бородинском поле не вышло.

На Бородинском поле в день маневров 26 августа 1839 г., а они повторяли действия русских и французских войск во время битвы, Николай I решил «поправить» Кутузова и Наполеона и показать гостям, как надо бы было действовать полководцам на поле сражения. Император достаточно решительно начал «исправлять» действия полководцев и судить в битве, досталось и книге Михайловского-Данилевского. На первой же странице рукописного экземпляра «Сражение при Бородине 26-го августа», Николай Павлович оставил резолюцию: «Желаю знать, г. Данилевский исправил ли неверности сей работы по собранным здесь сведениям?» Историк не исправил. Более того, ученый даже осмелился противоречить императору. В частности, Николай I на полях отрывка, рассказывающего о контратаке русской гвардейской пехоты против французской кавалерии, написал: «не полагаю, чтоб это было верно». На что Михайловский-Данилевский в специальной записке ответил, что эти сведения не только верны, но и приведены в рапорте командира гвардейского корпуса М. И. Кутузову.

Но выходу отдельной книги о Бородинском сражении уже ничего не могло помочь. Через Чернышева 4-го сентября, когда гости уже разъехались с поля, император запросил историка: «... изволили Вы, милостивый государь по собрании в Бородине сведений, сделать в сочинении Вашем некоторые нужные исправления, кои без сомнения послужат еще к большому улучшению превосходного труда Вашего»¹⁴. Но ученый не «соизволил» и на полках Военно-исторического архива навсегда осталась лежать рукопись Бородинской битвы с четырьмя цветными, прекрасно выполненными картами поля боя.

¹⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12516. Л. 1.